

тивным, действуют наряду с флективными процессами точно также агглютинативные.

Четвертый признак агглютинативных языков — употребление основы и как глагола и как имени мы оставляем в стороне, поскольку на наш взгляд он абсолютно не характерен для агглютинативного механизма, связан с более примитивными языковыми механизмами, наблюдавшимися в древнем китайском языке.

Наконец, последний признак агглютинации — моносемантичность формального элемента, в противоположность полисемантичности формального элемента в так называемых флективных языках, точно также вызывает существенные возражения. Вовсе не обязательно, чтобы в так называемом агглютинативном языке формальный элемент имел лишь одно значение. Так, например, в том же японском языке окончание *у* в глаголе *ё м у* «читать» имеет по крайней мере 3 значения: 1) показатель конца предложения, 2) показатель настоящего-будущего времени, 3) показатель «нулевой» вежливости (отсутствие указания на вежливость, на социальную характеристику лица говорящего).

О чем это говорит? Это говорит точно так же, что в так называемых агглютинативных языках, наряду с агглютинативным механизмом, действует и флективный.

Единственно правилен из этого следующий вывод: нет агглютинативных и флективных языков, но есть агглютинативные и флективные механизмы в языке, есть агглютинативные и флективные структуры, которые действуют с большей или меньшей силой в любом языке. С этой точки зрения все языки «родственны» между собой, ибо в каждом языке можно найти как агглютинативные, так и флективные процессы. Выделять же ряд языков в урало-алтайскую группу на основании агглютинативного принципа просто нелепо.

Какое же значение в этом случае имеет агглютинация? Агглютинация и флективность, наряду с так называемой аморфностью (на которой мы специально не останавливаемся здесь), не являются принципами классификации языков по семьям. Это три типа организации, структуры слова, словосочетания и предложения; это три технологических момента организации человеческой речи, между которыми есть определенная историческая последовательность (аморфность — агглютинация — флективность), которые присущи любому языку мира; в одном языке может преобладать один, в другом другой момент (в этом отношении один язык будет в известном смысле агглютинативным, другой — в известном смысле флективным). Агглютинация и флективизация не являются особой стадией, которую проходят все языки мира, стадией в том смысле, в котором мы понимаем ее (тип мышления, выраженный в языке), хотя, в конечном счете, она определяется и во многом зависит от признаков, входящих в понятие стадии. Агглютинация и флективизация — это не лингвистическо-философское понятие, а техническое; это понятие не стадияльного учения о языке, не феноменологии языка, а технологии речи.

Агглютинация, таким образом, не характеризует и не может характеризовать особую семью, особую группу языков. Она характеризует лишь один из этапов развития технологической стороны языка.

Поэтому-то урало-алтайская теория должна быть лишена этого оружия, составляющего тяжелую артиллерию в ее арсенале.

Лишившись тем самым столь серьезного оружия, урало-алтайская теория становится беспомощной. У нее остается лишь одно «рациональное» зерно, — политическая аргументация, политический характер ее, который столь усердно и разрабатывается журналистами и прожженными политиками от лингвистики.

Подлинно же ученому лингвисту с апологетами урало-алтайской теории не по пути.